

С Георгием Степановичем Жженовым мы встретились недавно в Сочи, на кинофестивале. Я надеялась, что он меня не узнает. Но он узнал. Хотя встречались мы много лет назад. Надеюсь — потому что тогда расстались мы не лучшим образом: что-то его не устроило в беседе, которую мы сделали. Мне показалось, в чем-то я его, быть может, подставила! Тема была уж очень деликатная — хороший актер снимается в плохом кино. Впрочем, то ли он забыл прошлые неудовольствия, то ли простил — был любезен и вежлив, как английский джентльмен. И кстати — сыграл недавно в пьесе драматурга Эрнста Томпсона «На золотом озере», о которой много говорил хорошего. Да он за свою жизнь немало вообще сыграл иностранцев, есть в нем что-то этакое, не наше, лощенное. Вилли Старк, например, «Вся королевская рать» Р. П. Уоррена. Однако ко всему этому и к хорошим актерам в плохом кино мы еще вернемся. А прежде всего я задала ему общий вопрос.

— Георгий Степанович, как вам представляется сегодняшняя ситуация в искусстве!
— Думаю о ней просто-таки с отчаянием.
Недавно я был в жюри актерского фестиваля «Созвездие», смотрел фильмы, не нравятся они мне. Во всяком случае, большинством из них. Здесь царствует красочный эгоизм, самоутверждение любой ценой, пижонство, выпендрож — я, мол, Феллини, Антониони, а он просто о жизни ничего не знает и не видит в ней ничего, кроме самого себя. Есть, например (он и в Сочи был на фестивале) один театральный режиссер, ставший невероятно модным. (По-

тем еще, естественно, ценам. Хруще» быстренько умножил пятьсот на тридцать (он ведь не знал, что такое съёмочный день) и был так возмущен, что тут же издал постановление об упорядочении оплаты труда актеров. Вот с тех пор и держали актеров в черном теле.
— А как вы считаете, в это время актеры рождаются!
— Судя по Америке — да. Но посмотрите, что делается в богатых странах — там уже сегодня люди не хотят слишком много зарабатывать: все съедают налоги. Нет уже той пропасти, тех качелей, на которых вечно качаются богатый-бедный. Это у нас как-то не-

тем еще, естественно, ценам. Хруще» быстренько умножил пятьсот на тридцать (он ведь не знал, что такое съёмочный день) и был так возмущен, что тут же издал постановление об упорядочении оплаты труда актеров. Вот с тех пор и держали актеров в черном теле.
— А как вы считаете, в это время актеры рождаются!
— Судя по Америке — да. Но посмотрите, что делается в богатых странах — там уже сегодня люди не хотят слишком много зарабатывать: все съедают налоги. Нет уже той пропасти, тех качелей, на которых вечно качаются богатый-бедный. Это у нас как-то не-

«Я ПЕЛ ТОГДА,

Кувейтская -
1993 - 7 авг -
с. 3

КОГДА БЫЛ КРАЙ МОЙ БОЛЕН»

— Видели ли вы что-нибудь отечественное за последнее время!

— Видел. Вот, например, «Серые волки» Игоря Гостева. Работа вполне профессиональная, и ее, наверное, будут смотреть. Она сделана на уровне американских политических боевиков. С Гостевым мы когда-то работали вместе.

— Где! Что-то я не помню.
— Началось с научно-популярного кино — мне тогда не легко приходилось. Помню, снимали что-то про ГАИ. Потом пошли фильмы «Меченый атом», «Ближневосточная история»...

— Кажется, вы играли советского посла.

— Да. Но еще в «Сатурне» — «Сатурн почти не виден» и т. д. Снимал Азаров, и Гостев с ним работал. Я играл генерала контрразведки Тимерина.

— Обычная ваша роль...

— Ну, не сказал бы. Я ведь сначала хотел сыграть совсем другое — ту роль, которая была у Григория Гая. Это человек, переживающий большую внутреннюю драму: оказавшись в плену и будучи завербован, он остается русским патриотом. Я попробовался на эту роль, но для режиссера и студии было все-таки важнее — кто сыграет генерала Тимерина.

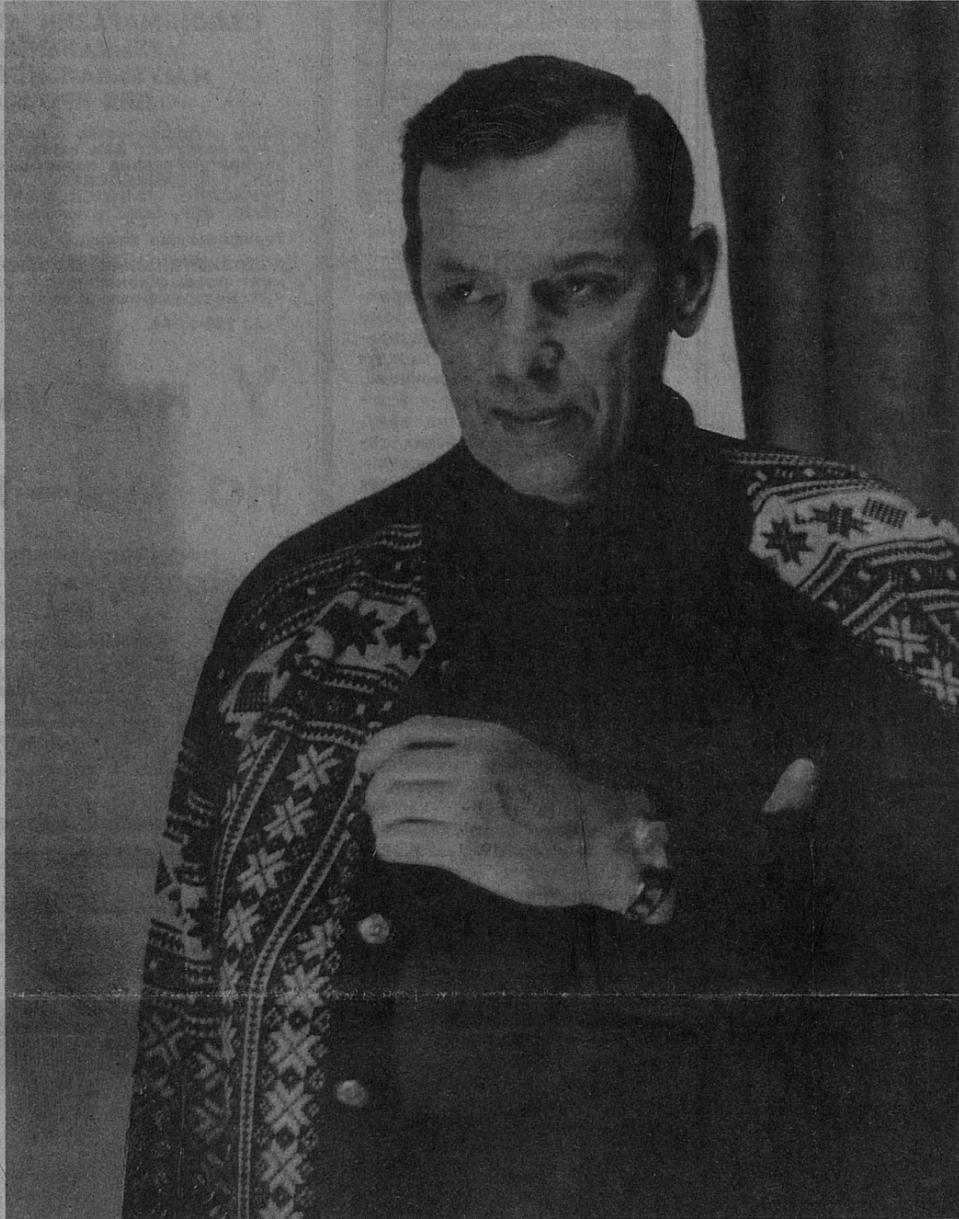
— Кстати, о пробах. Недавно по телевизору показали «Агонию» Климова, и перед фильмом продемонстрировали как бы небольшое вступление, в которое были включены пробы разных актеров на роль Распутина. Мне кажется, это в принципе нетактично — вот, мол, Петренко лучше всех. Может быть, и так, но зачем же ставить в неравное положение других исполнителей!

— Насколько я понял, там показывали пробы только тех, кто уже ушел из жизни. Так что вопрос такта как бы не стоит.

— Я потому, в частности, задала этот вопрос, что вы в свое время пришли на роль Вилли Старка взамен Павла Лупскаева, большого русского актера (он скончался в самом начале съемок). Не давило ли на вас его незримое присутствие!

— Отнюдь. Просто хотя бы потому, что у нас совершенно разная психология. Я пришел в съёмочную группу, когда попробовалось уже множество актеров, таких, как Ефремов, Марков, Андрей Попов. Даже, кажется, и Юрий Любимов. Та сцена, в которой я снимался на пробе, потом целиком вошла в фильм. Группа переживала не лучшие времена, режиссер был явно слаб (и потом он ушел), и, кроме того, было еще одно обстоятельство. Фильм замыслил и придумал Михаил Козаков. Здесь он сыграл лучшую, на мой взгляд, свою роль. И ему важен был партнер, с которым он мог бы находить общий язык.

— Ну как Бондарчук, гово-

Георгий Жженов

рят, не хотел брать Смоктуновского на роль Болконского...

— А меня — на роль Емельяна в своей же «Стели»...

— И что!

— И сыграл сам. Ну, впрочем, так в кино бывает не с ним одним. Меня и Юрий Яковлевич Райзман, например, пробовал чуть не в каждую свою картину, даже и на те роли, которые потом Паланов, Ульянов играли. И хорошо играли, но...
— Но так и не сложилось. Значит, вы на себе испытали, что это такое — жестокий институт проб. Но ведь режиссеры считают иначе, они говорят — а мы должны ощутить свое видение.

— Да, вот так и говорят — мы хотим вас попробовать в ансамбле, в стилистике кино. Слов здесь можно накрутить множество, но ведь суть-то одна. В общем, я теперь от проб отказываюсь.

— Ну, а Вилли Старк — что вы теперь о нем думаете? Не приблизился ли он к нам — в связи с наступлением эры демократии у нас в стране! Все-таки раньше политика для нас была тайной за семью печатями.

— Безусловно. Теперь Вилли Старк актуален как никогда. Этот политик, вышедший из народа, — типичный популист и демагог, которых мы много видим на сегодняшнем властном небосклоне.

том Жженов назвал — это Роман Виктюк). Когда-то он и у нас, в Театре имени Моссовета, ставил спектакли, и я у него играл. Но боже мой, каким же махровым цветом расцвела сегодня его патологическая «муза»!

— То есть вы хотите сказать, что раньше, несмотря ни на что, было лучше!

— Мне вспоминаются стихи Есенина: «Я пел тогда, когда был край мой болен». Я тоже, случалось, играл номенклатуру. Хотя больше — героев, конфликтующих с властями. Но я считал, что их надо было разделить какими-то живыми чертами, чтобы зритель постарался их понять.

— Ну да. Вы даже резидента сумели сделать обаятельным человеком.

— И впрямь. Ведь он среди всей этой шушеры оказывался действительно истинно русским человеком — и отсюда его драма. Хотя, конечно, на узком пространстве детективного фильма показать все это было весьма непросто.

— Мы когда-то беседовали с вами на вечно, как видим, острую проблему хорошего актера в плохом кино. Сегодня, когда искусство коммерциализировалось до крайности, эта проблема приобретает прямо-таки болезненный характер. Если раньше было идеологическое, то сегодня — давление

в принципе искусства в рекламе. Что же касается съёмки в плохом кино... Вы знаете, есть уже опыт, и я могу сняться в любом заведомо слабом сценарии и как-нибудь вывернуться — камнями не полетят. Но сегодня уже я понял, что все это иллюзии, и лучше плохо сняться в хорошем кино, чем трижды хорошо — в плохом. И вот и сейчас есть предложения, присылают сценарии. Но все это такая мелочь, такая беспросветность. Я и о театре мало хорошего могу сегодня сказать. Много раз порывался уйти. Я ведь ушел в свое время, хотя и петербуржец во втором поколении, от Игоря Владимировича.

— А я и не знала.

— Да, я работал в этом театре. Кстати, с тем же Петренко.

— Ну, а вот эти наши с вами фестивали! Не кажется ли вам, что тусовка убивает актера! Или, может быть, я не права! Вот сегодня еще говорят о каких-то бешеных актерских гонорах.

— Да, здесь редко кто может устоять. Что касается гонораров, то в свое время Иван Переверзев сыграл со всеми нами неслабую шутку. Хрущев как-то на приеме спросил у него: а сколько, мол, у нас получает актер? И Переверзев ответил: что-то, кажется, пятьсот съёмочная ставка, по

истовая, бешеная страсть к накопительству — безудержная и эгоистическая. И — губительная для духовной жизни общества.

— И совсем исчезает вчерашнее слово «кумир»...

— Любопытно: на фестивале в Сочи ко мне подошел один предприниматель, представился и сказал: я рос на ваших фильмах. Не знаю — радоваться мне такому знакомству или огорчаться. В меру сил я, конечно, старался в своих ролях быть человеком и учить человечности, но, признаться, не думал о воспитании поколения, которое станет бизнесменами. Мне вспоминается другой эпизод — на одной встрече однажды встает симпатичный паренек и спрашивает: «Что надо сделать в жизни, чтобы быть похожим на вас?»

— А что вы!

— А я ему ответил: знаешь, ты на меня еще когда-нибудь сможешь стать похож, а вот уж я на тебя, к сожалению, никогда! Да, кино — великая штука...

— Сейчас это все, увы, ушло...

— Уходит.

— Известно, что вы пострадали от режима и, казалось бы, должны были приветствовать наступление демократии в стране.

— Демократии? В первоначальном накоплении капитала? — Но разве первоначальное накопление и демократия не должны сосуществовать!

— Спекуляция она и есть спекуляция.

— Я недавно пошла купить ягод — обыкновенных русских ягод на дешевый (некогда!) Бутырский рынок. Я увидела во множестве ананасы, бананы, киви, что угодно, но только у одной сиротливо стоящей женщины жалко краснела смородина. Что это! Как так происходит! Почему! Кто нам это все устраивает!

— А кто нам устраивает «мыльные оперы» по телевизору? Я иногда думаю: может быть, здесь есть какая-то связь? Россия перестала родить картошку... и таланты? Я не знаю, как и чем все это объяснить, но мне действительно кажется, что есть какая-то странная связь между оскудением нашей жизни, нашей земли и нашего духовного бытия. Есть связь между болезненным каким-то изобилием киосков и ларьков и такой же недолгой, правда, эйфорией в кинематографе, где мы снимали, говорят, чуть не четыреста фильмов в год. Но как! И кто снимал — как будто забыли мы, какие имена осеняли наш кинематограф.

Все это кончится, пройдет — и это пройдет, как говорили древние. Придут и киоски, прошла уже и эйфория кинематографа ассистентов и помощников вторых операторов. Но вот придет ли им на смену и что? — такой мучает вопрос.

— Георгий Степанович, а может быть, это у нас с вами возрастное — брюзжание на молодежь, и на ларьки, и на жвачку, и на «мыльные оперы», и на кино!

— Нет, не думаю. Вернее, совершенно твердо говорю — нет.

И в Питере мы сейчас гостролилировали как раз с «Золотым озером». И какой-то прямо-таки небывалый успех у нас себе приписываю, а тоже — времени: люди устали от безнадёжности, от беспросветнос-

изопрямья в черноте и порнографии, является для меня феноменом тоталитарности.

— Почему тоталитарности!

— Потому что довлеет, насильно внедряется в сознание одна модель — поведения, жизни, мысли. Да и что еще может рождать такое искусство? И мы это прекрасно видим по сегодняшним людям, по молодежи.

Отсюда, повторяю, так важна для меня последняя работа в театре в пьесе Эрнста Томпсона. Для меня это общественный акт, именно на фоне всеобщего беспредела. Пьеса 126 раз прошла на Бродвее, был поставлен и фильм с Генри Фондой в главной роли (именно ее я и играю в театре).

— Георгий Степанович, а что вы думаете об отъезде наших деятелей искусства за границу?

— Мне приходилось общаться с эмиграцией за рубежом. Например, в Австралии, там сохранились остатки белой, харбинской общины, той еще, первой волны. И тем не менее уже дети и внуки помнят и несут в себе отблеск далекой своей и, наверное, навсегда утраченной родины. Уважаю таких людей, как Буковский, Максимов. Дружу я и с Леонидом Бородиным — он, правда, не уезжал, но он печатался за границей.

Однажды я открыл для себя в одном полупрофессиональном журнале стихи абсолютно не известного мне поэта. И они мне так понравились своей рускостью, а том числе, что захотелось включить их в свою программу. Я начал выяснять, кто такой Бородин, где, эн, как найти, к тому же журнал-то был как бы самиздатский. Позвонил Виктору Петровичу Астафьеву — и он мне сказал: говорят, диссидент, сидел или сидит, никто ничего не знает. И вот через какое-то время — звонок от него же из Красноярск: запишай телефон твоего диссидента.

— Так это Бородин и открыл вас как писателя!

— Нет, открыл меня Короткий. Но в журнале «Москва», которым теперь руководит Бородин, я напечатал рассказ «Реквием» — о праздновании пятидесятилетия грузинского кино.

— А почему — реквием!

— Там, в Тбилиси, мне предложили поучаствовать вместе с Отаром Коберидзе в программе «Реквием по грузинским актерам» — имелась в виду великие, всем известные имена. И вот, когда мы с Отаром вышли на сцену, весь зал вдруг поднялся как бы в едином порыве — что такое, я ничего понять не могу. Оказываешься, позади нас идет уже экран, и на нем Михаил Геловани в роли Сталина. Не знаю, как достоял, но потом везут на банкет с высоким начальством, и там все примерно в таком же духе. Предлагают поднять тост за товарища Сталина. И это мне — отсидевшему семнадцать лет!.. Ну, одним словом, читайте рассказ.

— А как вы считаете, Солженицын вернется!

— Убеден. Он же русский.

Беседу вела
Валентина ИВАНОВА.